

ДЫШКАНТ Т.Н. (канд. филос. наук, доцент; ЧВУЗ «ХСЭИ»)

ЛИБЕРТАРИЗМ И МОРАЛЬ

На современном этапе развития общества либертарианское направление становится доминирующим, не только в области экономики, но и во всех иных сферах общественной жизни. Поскольку неолибералы доводят свой экономический либерализм до этической спецификации, возникает потребность анализа практической философии неолиберализма. Сделан вывод о непоследовательности неолибералов в разработке своей системы ценностей, что приводит к исчезновению даже такого основополагающего понятия как свобода.

Ключевые слова: либертаризм, свободный рынок, «негативная» свобода, индивидуализм.

Дышкант Т.М. ЛИБЕРТАРИЗМ І МОРАЛЬ На сучасному етапі розвитку суспільства лібертаріанський напрямок стає домінуючим, не тільки у сфері економіки, але й усіх інших сферах суспільного життя. У зв'язку з розширенням у неолиберальній теорії економічного лібералізму до етичної специфікації, виникає потреба аналізу її практичної філософії. Зроблено висновок про непослідовність неолибералів при розробці своєї системи цінностей, що призводить до зникнення навіть такого основного поняття як свобода.

Ключові слова: лібертаризм, вільний ринок, «негативна» свобода, індивідуалізм.

Dyshkant T. N. LIBERTARISM AND MORAL On the modern stage of development of society libertarian direction becomes dominant, not only in area of economy but also in all other spheres of public life. As libertarians takes the economic liberalism to ethics specification, there is the necessity of analysis of practical philosophy of libertarianism. The freedom understood as independence is the fundamental value of this direction. The open market built on principles of honest competition and presence of private property can secure her only. The presence of all above-mentioned conditions by unintentional way will provide a beneficence societies and spiritual development of man. However by the basic law of the society built exceptionally on a market exchange without taking into account social component, there is the law of maximal profits. It is instrumental in that market, all farther walks away from procedural honesty. There are processes which are instrumental in elimination, both freedom of markets processes and individual freedom. A conclusion is thus done about inconsistentness of libertarians in development of the system of values that results in disappearance even such fundamental concept as freedom.

Key words: libertarianism, free market, «negative» freedom, individualism.

В наши дни актуальной остаётся проблема устойчивого развития общества. Его реализация, о какой бы конкретной стране ни шла в данном случае речь, неразрывно связана с пересмотром ценностей и целей развития, а, следовательно, и с пересмотром соответствующих приоритетов. Получивший широкое распространение на современном этапе развития общества неолиберализм (либертаризм) позиционирует себя как истинно моральное и поэтому, единственно верное направление. В данной статье на основе анализа неолиберальной системы ценностей будет рассмотрено, насколько обоснованы данные претензии.

© Дышкант Т.Н.

Неолиберализм - это теория, согласно которой рыночный обмен является основой системы этических норм, достаточной для регулирования всех человеческих действий.

Этимология понятия «либерализм» указывает на то, что основополагающей ценностью здесь считают индивидуальную свободу. То, что данный корень сохраняется во всех последующих производных от данного слова, употребляемых для обозначения различных концепций либеральной теории, вроде бы даёт основание их к обобщению. Однако оказывается, что нелегко обосновать данное обобщение. Это демонстрируют и те непримиримые споры, которые ведутся между современными теориями, относящими себя к либеральной направленности. На современном этапе можно выделить два основных направления, несмотря на то, что внутри они также неоднородны: это неолиберализм, или либерализм классический (его еще называют "традиционным либерализмом", "либертариизмом", "либертарианством") и социальный либерализм (или либерализм "постклассический"). Непримиримость этих моделей либерализма, несмотря на схожесть их названий, является следствием разного отношения к этике. В данной статье нас интересует практическая философия неолиберальной теории.

Как уже было сказано ранее, основополагающей ценностью в либертариизме полагают свободу о чем недвусмысленно говорят названия таких произведений ведущих представителей данного течения как «Капитализм и свобода» М. Фридмана, «Общество свободных» Ф. Хайека, «К новой свободе» М. Ротбарда и т.п. Однако относительно понятия свободы существует множество концепций. В общем можно выделить концепции «негативной» свободы и «позитивной» свободы. Свобода человека выражается в свободе выбора, это характеристика действия человека. О выборе же можно говорить в том случае, когда человек находится в условиях выбора возможностей и знает об объективных ограничениях, с учетом которых он только и может действовать. Негативная свобода обнаруживается как «свобода от чего-то», поэтому её можно еще охарактеризовать как независимость. Можно сказать, что здесь акцентирование идет на том, что можно признавать в качестве объективных ограничителей. Именно эту свободу признают единственно возможной и морально оправданной в либертариизме [10, 193-195]. Поэтому для приверженцев классического либерализма борьба за свободу означала борьбу за уничтожение внешних ограничений, накладываемых на экономическую, физическую и интеллектуальную свободу человека. Наиважнейшей частью общей свободы индивида выступает его экономическая свобода, обеспечить которую возможно только в условиях свободного рынка. Гарантом и мерой свободы выступает частная собственность, оправданием которой является честный труд.

Как указывал Д. Белл в своей работе «Культурные противоречия капитализма», каждое общество обладает определённым этосом, представляющим совокупность ценностей, образующих нравственный фундамент общества. Этосом капитализма принято считать протестантскую этику, ориентированную на такие добродетели как трудолюбие, бережливость, аскетизм, честность. Описание этоса капиталистического общества можно найти в работах Б. Франклина: «...честность *полезна*, ибо она приносит кредит, так же обстоит дело с пунктуальностью, прилежанием, умеренностью — все эти качества именно *поэтому* и являются добродетелями» [5, 74]. Общество, основанное на таком нравственном фундаменте, относят к добродетельным. Краеугольным камнем добродетельного общества является способность к труду: «Способность к труду, - полагал Дж. Локк, - неотделима от личности человека, поэтому труд его тела и работа его рук по самому строгому счету принадлежат ему» [цит. по 9, 122]. Таким образом, трудовая этика является оправданием института собственности. Либертарианцы охотно ссылаются на Локка когда говорят о нравственной природе богатства. Так, например, Д. Боуз в своей работе «Либертарианство», обосновывая права на собственность, цитирует Локка: «Каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности, на которую никто, кроме него самого не имеет никаких прав. Мы можем сказать, что труд его тела и работа его рук по самому строгому счету принадлежит ему». [4, 42]. Экономический рынок вознаграждает таланты, ценимые в добродетельном обществе (трудолюбие, честность, благодарность, любезность и т.п.). Возникает прямая

связь – чем талантливее, добродетельнее человек, тем большим достатком он обладает. Эти фольклористские верования пытаются применить и для нашего времени. Однако, опираясь на учение Локка, не учитывают того, что его теория была разработана для условий простого товарного производства. В историческом же плане наблюдается переход источников дохода в руки капиталистических предпринимателей, тем самым: «изменяется способ существования орудий труда и средств производства: они образуют частнокапиталистическую собственность, используемую как капитал. Свобода собственности в мире неограниченной рыночной конкуренции оборачивается лишь свободой в лишении собственности большей части общества, свобода собственности оборачивается свободой беспрепятственного присвоения рабочего времени трудящихся бедняков. Капиталистическая собственность вырастает на могиле собственности, основанной на личном труде» [9, 130]. Смягчить данную тенденцию была призвана кейнсианская модель, устанавливающая исторический компромисс между трудом и капиталом. Благодаря данному компромиссу в течение длительного времени наблюдался экономический рост во всех развитых странах, полная занятость, растущие доходы населения и подъем образования. Однако с начала 80-х гг., когда в социальной сфере осуществлялся переход от модели Дж. Кейнса к неолиберальной модели, подчиняющей все сферы общественной жизни логике рынка, разделение национального богатства стало производиться в пользу прибыли предприятия и в ущерб зарплате. В результате доходы более обеспеченной части общества стали стремительно расти, в то время как для подавляющего числа населения наступила экономический коллапс, в котором, как утверждают либертарианцы виноваты только они сами. И поэтому, несмотря на то, что в наше время труд, столь почитаемый либертарианскими идеологами, остаётся главным фундаментом и организующим началом общества, основным способом социализации человека, он довольно часто не спасает от бедности. Кроме того, источники частной собственности на самом деле весьма разнообразны и далеко не всегда морально оправданы как в случае с честным трудом.

Следующим положением либертарианцев, призванным показать неотвратимость перехода к свободному рынку, является признание экономических законов подлинно естественными законами. Поэтому они предлагают не вмешиваться в экономику, предоставить её самой себе, и «естественный» порядок установится спонтанным образом подобно тому, как вследствие действия сил природы устанавливается равновесие в мире физическом. Этим заявлением, во-первых, экономическая деятельность освобождается от искусственных ограничений, коими здесь признают государственное вмешательство посредством социальных законов. К социальным законам здесь относятся как к механизму, при помощи которого завистливое большинство стремится забрать у богатых то, чего они не могут взять талантом. Во-вторых, при признании признанием «естественного» порядка экономических процессов, с имущих классов снимается ответственность за последствия свободного рынка. Либертарианец откажется считать индивидуального предпринимателя ответственным за «предопределенную» судьбу рабочего, но скажет, что она неотъемлемо присуща системе, в жесткие рамки которой оказываются загнанными все группы - те, кто нанимает, и те, кого нанимают. «Свобода» зависит от ценовой структуры рынка и является зависимой от внешнего фактора, а, в общем, вся экономическая деятельность оказывается подчиненной основному закону – закону получения максимума прибыли. Поскольку же экономическому либерализму придается значение общественного закона, постольку все законы экономической капиталистической деятельности распространяются и на этическую область. Основанием морали в этом случае становится выгода. То есть добродетельное общество имеет утилитарное обоснование. К этому же выводу можно прийти, рассматривая и концепцию общества, к которой тяготеет неолиберализм.

В представлении либертарианцев общество предстаёт как сумма стремящихся к личному благу автономных индивидов-эгоистов. Из взаимоотношений на основе личной

выгоды складывается внутренняя гармония их интересов, которая связывает их в единое целое. Еще А. Смит выразил убеждение, что неограниченное преследование каждым своего личного интереса как бы само собой создает общее благо. Преследуя свои собственные интересы, владелец капитала невольным образом служит интересам общества. Отсюда лозунг: «laissez faire» («предоставьте действовать, предоставьте вещам идти своим ходом»). Таким образом, этические проявления предстают как некий эпифеномен материального, экономического развития. Гуманизм в этом случае – это всего лишь «незаконнорожденное дитя» капитализма, системы, сохраняющей, как убедительно показано в художественных произведениях того времени, когда господствующей была идеология классического либерализма, антигуманное отношение к людям: «Неужели можно считать гуманным и справедливым это беспощадное истребление людей? И Дениза выступила в защиту *этих колесиков механизма*, основываясь при этом не на сентиментальных соображениях, а на интересах самих хозяев. Хотите иметь хорошую машину, - так берите для этого лучший сорт металла; ведь если металл оказывается негодным или приведен в негодность, останавливается вся работа, нужны дополнительные затраты, чтобы вновь наладить её, а это ведёт к излишним расходам» [6, 327]. Между прочим, за эти идеи хозяин упрекал Денизу в приверженности к социализму. Удивляет несовпадение отношения к людям как «колесикам механизма» или на современном этапе как к «живому товару» с основным постулатом неолиберализма о непреходящей ценности и равноправии человеческой личности. Человеческие личности находятся в нечеловеческих условиях, они поставлены на грань выживания, причем не обязательно вследствие отсутствия определённых видов добродетелей, а возможно и в результате вполне объективного невезения. Наличие только отрицательной свободы является моральным оправданием для бездействия так называемых успешных людей. Вместо равенства наблюдается ранжирование людей. «Учитывать действительную *неравноценность* людей и оправдывать этим какую-либо *дискриминацию* с помощью принуждения было бы серьезным нарушением основных условий, на которых свободный человек подчиняется правительству» [10, 211]. Под дискриминацией в данном случае имеется в виду стремление к более равномерному распределению доходов на основе прогрессивной системы налогообложения и направление средств на решение социальных проблем, «попытка помочь беднейшим слоям населения» [10, 156]. Стремление решить экономические проблемы без учета социального компонента вырождается в социальный дарвинизм с негласным привлечением лозунгов от «Победителей не судят» до вполне фашистского «Каждому своё». Однако надежду на то, что естественный отбор будет способствовать выживанию лучшего, делает иллюзорной утопический характер представления о свободном рынке в теории неолиберализма: он представляется открытым, то есть воплощающим идею равенства возможностей и построенным на основе честной конкуренции. Реальный же рынок существенно отличается от этой идеализированной картины. Основным законом капитализма, как уже было сказано, – закон максимальной прибыли. Максимум же прибыли даёт монополизация. Это означает, что при современном производстве реальные рынки всё дальше отходят от тех особенностей, которые позволяли характеризовать их как открытые и конкурентные. Современная корпорация имеет возможность назначать цены, а не позволять рынку устанавливать их стихийно, а ведь неолибералы признают, что свободно формирующаяся ценовая структура рынка говорит предпринимателям, насколько они свободны в выборе той или иной отрасли для своих капиталовложений. Есть основания считать что, если предоставить рынку полную свободу, он перерождается в олигополию, убивая тем самым и конкуренцию, и самого себя. Кроме того, нестабильный и несовершенный рынок, всё дальше отходит от процедурной честности, что позволяет некоторым участникам рыночных процессов концентрировать в своих руках громадные капиталы. Большое состояние – это источник большой власти. Поэтому «такая концентрация и централизация во всё большей степени угрожают принципам справедливости высшего порядка, то есть

равным основным свободам и равенству возможностей» [1, 89]. То есть, возникает двоякая угроза, с одной стороны, угроза свободе рыночных процессов, с другой – индивидуальной свободе. Возникает вопрос, может ли такой рынок являться основой системы этических норм, достаточной для регулирования всех человеческих действий, если вообще позволительно основывать этические нормы рыночными процессами?

Еще более далеким от утопических представлений неолибералов о рынке является глобальный рынок, на арену которого выходят транснациональные корпорации. Как отмечает фон Райт: «Движущие силы транснационального характера в основном анонимны, а посему трудноуловимы. Они не формируют единую систему или порядок. Это агломерация систем, манипулируемых в основном «невидимыми» фигурами... «Рынок» - не столько коммерческое взаимодействие конкурирующих сил, сколько толкотня манипулярного спроса, искусственно созданных потребностей и стремлений к быстрому обогащению» [цит. по 2, 84]. Все вышеназванные изъяны реально существующих рынков, усугубляются еще и безответственностью, которой способствует анонимность данных «невидимых фигур». Замещая организованность экономической деятельности действием «невидимой руки» современная элита прячет механизмы управления за бесконечным круговращением массовых стихийных процессов. Свобода не связанная ответственностью вырождается в произвол.

В общем же можно утверждать что, социальный дарвинизм на основе реального рынка не гарантирует обязательного общественного (нравственного) прогресса, ведь, как указывает австрийский философ К. Лоренц: «при всем желании нельзя увидеть никаких селективных преимуществ, которые хоть бы один человек мог бы извлечь сегодня из обостренного чувства ответственности или из добрых естественных наклонностей» [цит. по . 8, 108].

Возвращаясь к понятию свободы необходимо отметить, что свобода действительно является необходимым условием для возможности оценивать действие человека как моральное или аморальное. Однако представление человека о том, что значит обладать и пользоваться свободой, неразрывно связано с представлением о своей сущности, выражаемой в отношении к ценностям, другим людям, обществу, то есть независимость не является ценностью сама по себе. Поэтому концепция отрицательной свободы необходимым образом дополняется концепцией положительной свободы, ведь нельзя же сущность человека полагать как пустоту. Совершеннейший же плюрализм этических норм в действительности равносителен их отсутствию.

Таким образом, в рамках неолиберальных учений очевидной является необходимость дополнения концепции свободы определением личности. Несмотря же на заявленность принципа личности отправным для понятий свободы и равенства, на самом деле здесь наблюдается отсутствие проблемы личности в подлинном смысле слова, так как она подменяется проблемами потребителя. Более того, сам принцип личности нивелируется широчайшей коммерциализацией всех сфер человеческой жизни, приводящей к тому, что человек становится объектом купли-продажи. Конкретный индивид уже не является высшей ценностью, а имеет цену. В свою очередь этические проблемы замещаются маркетинговыми разработками. Развитие потребителя не тождественно развитию личности, это противоположные устремления. В потребителе искусственным образом посредством «престижного потребления» раздувают неутолимую жажду «иметь», которая как Минотавр поглощает личность. Реклама становится своего рода религией, которая определяет, что хорошо, а что плохо, за что нужно платить (покупать) и сколько, а за что не нужно, ради чего стоит жить, ради чего не стоит.

Абсолютизация индивидуализма в неолиберальных учениях помимо обосновывающей позиции призвана играть также оправдывающую роль при утверждении неустранимости бедности. «Пораженная безработицей и нищетой общественная единица уже не группа, не класс и не слой, а порожденный рынком и существующий в специфических условиях индивид» [3, 132]. Данная установка позволяет игнорировать

объективный фактор существования бедности, объясняя её только исходя из моральных позиций - отсутствием в субъекте, поощряемых добродетельным обществом качеств (трудолюбия, честности, целеустремлённости и т.п.). Бедственное положение индивида в этом случае является не случайным с моральной точки зрения - это результат свободного выбора индивида, за который он несёт всецелую ответственность. Он не выполняет свой моральный долг, который состоит в том, чтобы «обеспечить минимальные условия собственного выживания» [4, 96]. Реальная практика показывает, что человек может впасть в бедность по болезни, или вследствие краха учреждения, в которое он вносил свои сбережения, или по причине кризиса в той области промышленности, где он был занят, или по другим, не зависящим от него обстоятельствам. Она выявляет иллюзорность неолиберальных позиций, которые здесь так упорно защищают; ведь если признать их неправомерными, придется признать несправедливым «обрекать на нужду несчастного наряду с порочным членом общества» [7, 282]. Кроме того, необходимость какого-либо общественного преобразования заменяется разовыми актами «благотворительности», которые непременно надо отработать. Отсюда и неприятие позиций социального либерализма, предлагающего учитывать равенство людей, с точки зрения морали, то есть, возлагать на индивидов ответственность за сделанный ими выбор, но вместе с тем, предоставлять компенсацию за неравные условия.

На основе выше сказанного можно сделать следующий вывод. Подчинение логики общечеловеческих ценностей логике рыночных отношений чревато их полному забвению. Зачем людям помнить о нормах морали, если они невыгодны? Абсолютизация любых концепций, в том числе и «фундаментализм свободного рынка», является утопичной. Об опасности воплощать утопии в реальность всё время твердят и сами либертарианцы. Они не обращают внимания на то, что, отвергая компромиссные формы сосуществования капитала и труда, государственной собственности и частной собственности, свободы и справедливости, они сами строят новый тоталитаризм – ведь понятия свобода и равенство являются соотносительными, а безграничное развитие свободы приводит к всеобщему неравенству. Последовательное же развитие либертарианских идей приводит к исчезновению даже такой основополагающей ценности как свобода, поэтому на практике становится возможным отказ от неолиберальных принципов, либо изменение их до неузнаваемости, в том случае, если неолиберальные принципы вступают в конфликт с потребностью восстановления или укрепления власти элиты общества.

Таким образом, устойчивому развитию общества либертариизм в качестве доминирующей идеологии не способствует. Игнорируя социальную сферу, свободный рынок, возведенный в абсолют, теряет свой исходный социальный смысл и может стать угрозой для всего человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Т.А. Справедливость: Морально-политическая философия Дж. Роулса / Т.А. Алексеева. – М.: Наука, 1992. – 112 с.
2. Бауман З. Глобализация / З. Бауман. – М.: Весь мир, 2004. – 185
3. Бек У. Общество риска / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
4. Боуз Д. Либертарианство / Д. Боуз. – Челябинск: Социум, 2004. – 391 с.
5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990. - с. 61 - 344.
6. Золя Э. Дамское счастье / Э. Золя. – Киев: МПИП «ЛАН», 1993. – 400 с.
7. Новгородцев П.И. Введение в философию права / П.И. Новгородцев. – М.: Наука, 2000. – 269 с.
8. Орлов В.И. Философия бизнеса в обществах переходного типа / В.И. Орлов. – Минск: ЭКОНОМПРЕСС, 2004. – 287 с.
9. Режабек Е.Я. Капитализм: проблема самоорганизации / Е.Я. Режабек. – Ростов-на-Дону: изд-во Ростовского университета, 1993. – 320 с.

10. Хайек Ф.А. Общество свободных. / Ф.А. Хайек. Лондон: Overseas Publications Interchange ltd, 1990. – 309 с.